

«Лучше провал, чем повторение»

Алиса НИКОЛЬСКАЯ

— Расскажите про пьесу Вуди Аллена.
— Ее ставили в Питере года два назад, но, насколько мне известно, без успеха. Она рискованная, потому что очень близка к капустнику. Собственно, это единственный путь, знакомый автору. Он берет стиль и начинает на нем паразитировать, доводя его до безумия, все время соотнося с низом, с бытом, с жизнью. Не с идей, что человек существо возвышенное, думающее, любящее, а с представлением о человеке как о простом таракане, занятом перебежками. Я люблю этот юмор и, читая Вуди Аллена, смеюсь, мне мила эта книжечка. Но ставить это буквально нет возможности, потому что это не производит впечатление при пересказе со сцены. Кроме того, там многое не переносится в Россию, и становится смешно, только если представить себе некий Нью-Йорк, местных зрителей времени написания этой пьесы. Это так же как читать Аристофана и улыбаться, только вообразив себе зрителей того времени, пришедших смотреть эту, в сущности, капусту. Кстати, думаю, что они родственники — Аристофан и Вуди Аллен. Родственники по способу присутствия автора в произведении.
— А вам они не родня?
— Не думаю. Но мне они нравятся.
— В Ladies Night тоже много вещей, не переносимых в Россию...
— Если вы возьмете текст перевода, то вряд ли увидите буквально совпадающие фразы. Это полностью сочиненный нами текст в связи с ситуациями, предложенными автором. Я считаю, что в отноше-

нии комедии, причем не высокой, а земной, это путь самый адекватный. Я не вижу особого смысла слишком серьезно относиться к текстам. Можно пытаться с ними соотноситься, насколько это удастся, но не более того. Делать вид, что они для меня значат больше, чем я чувствую, я не собираюсь.

— А кто такой бог в пьесе Аллена?

— Это бог из машины, который в древнегреческом театре распутывал ситуации, не поддававшиеся разрешению. У них там была машинка в виде журавля, и на ней «бог» переносился через стену, за которой играли актеры, и говорил: я бог, и сейчас будет так и так. Речь идет об этой машинке и об этом человеке, который должен это изображать. Речь не идет о материях высших и бесспорно серьезных.

— А вас вообще интересуют высокие материи?

— Смотрите, как написаны пьесы Шекспира — там то и дело возникают разрывы, где начинается самопародия и уничтожение всего накопленного, но потом продолжается серьезная линия. И у зрителя сохраняется живость восприятия. Здесь же наоборот: безобразие прерывается вполне серьезными высказываниями. Мне это нравится. Хотя происходящее вряд ли можно назвать нормальным театром. Многие из тех, кто к нам придет, могут остаться недовольными. Не исключая, что будут уходить прямо во время действия. Это не так легко и забавно, как другие мои спектакли. Здесь многое зависит от того, как я оцениваю московскую публику: наберется ли в месяц триста-четыре человека, которым такого рода ис-

тории и тексты будут любопытны. Мне кажется, что такие люди в Москве есть. А практика может показать, что их нет.

— Что за люди уходят и что за люди остаются?

— Всегда по-разному. Я стараюсь делать разные спектакли. По-моему, мне это удастся. Они не обращены к одной и той же публике. Я не отработываю бесконечно один и тот же ход, который кому-то понравился. Есть замечательные деятели театра, которые воплощают эту идею повторяемости. Это удобно: человек нашел свою форму, свои идеи, и какая разница, что он поставит. Поэтому я сейчас почти не хожу в театр: в большинстве случаев я знаю, что я увижу. Повторение — это неплохой путь, но мне он кажется скучным. Лучше провал, чем повторение. Вот, кстати, интересное наблюдение, связанное с репертуарным театром: мне кажется, что в антрепризе я никогда открыто не проваливался, мог делать вещи простые, но внятные. А в репертуарных театрах наоборот. Если свести людей малоознакомых, но интересных, талантливых, возникают диалог, энергия. Кроме того, в антрепризе ты имеешь дело только с актерами и со зрителями. Нет другого, довольно противного контекста, от которого нельзя никуда убежать, если ты находишься в рамках театра. Когда ты делаешь антрепризу, всегда серьезно думаешь, потому что никто тебя не прикроет и не спасет — спектакль должен выйти и быть сыгран, причем не только в Москве, а по всей России. А в репертуарном театре можно, например, делать Лермонтова. Я никогда не взялся бы за Лермонтова в антрепризе. Он хороший автор, но его не будут смотреть.

— Но Ростана-то у вас смотрят.

— Ростан — другой. Он совсем не похож на Лермонтова. Лермонтов — поэт, который иногда писал пьесы. А Ростан — удивительный по технике драматург, он в любой средней постановке произведет впечатление на зрителя. Есть механика драмы, которая работает, несмотря на режиссерские безумства.

— Каких актеров вы считаете «своими»?

— «Свои» — это талантливые люди, которые относятся к себе с иронией. Этого мне достаточно.

— Как вы думаете, почему многие критики не принимают то, что вы делаете?

— У меня нет ясных мыслей на этот счет. Я не читаю критику на свои спектакли уже года два, после того как написали про «Трактирщицу». На мой взгляд, ничего от этого не потерял. Почему ругают? Думаю, по нескольким причинам. Главное, что принято ругать. Мои спектакли сделаны для широкой публики. Критика не хвалит такие вещи. А я играю с пошлостью, потому что ее люблю и считаю, что без нее театр жить не может. Другое дело, что я делаю это сознательно. Но высказывания, выходящие за рамки прямолинейного морализаторского театра, как правило, не прочтываются критикой.

Вообще я оставляю за собой право делать то, что мне хочется. И уж тем более я не размышляю, как надо поступить, чтобы критика относилась ко мне как к серьезному режиссеру, — это бессмысленная потеря времени.

— Почему вы вдруг стали драматургом?

— Я с этого когда-то начинал. И для меня это не балоство. Я заметил, что пишу пьесы, когда у меня безработица. Обе мои пьесы являются актом отчаяния. Не исключая, что эта ситуация повторится, и я опять что-нибудь напишу.

— Что интересно вам сегодня?

— Мне было бы интересно снять кино. Думаю, что буду двигаться в эту сторону. Это перспективно, и это другой процесс, который я чувствую и знаю, что легко его освою. А главное, зрителей очень много. Зрителей, которым нужно интересное кино. Мне хочется большой аудитории. Думаю, что могу ею быть понят.

В последнее время Виктор ШАМИРОВ делает самые смешные спектакли в Москве. Убойная комедия Ladies Night с мужским стриптизом, изысканное ерническое развлечение на тему ростановского «Сирано де Бержерака», залихватский капустник для детей и взрослых «Белоснежка и другие»... Шамиров придумывает собственные жанры, переворачивает драматургию с ног на голову. Он непредсказуем, эпатажен, его спектакли то и дело разносятся критикой в пух и прах. С одним из самых скандальных режиссеров Москвы мы встретились накануне его очередной премьеры — спектакля «Бог» в Театре Моссовета.

